

Данька Вишневецкая

Настоящая любовь Филиппе Берди

16+

Данька Вишневская
Настоящая любовь
Филиппе Берди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56276979

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-03996-4

Аннотация

Голос мёртвой жены преследует профессора Филиппе Берди каждый день, заставляя мучиться чувством вины. Если б только был шанс всё исправить...

Содержание

Часть 1. Всё сломано	5
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Данька Вишневская
Настоящая любовь
Филиппе Берди

Часть 1. Всё сломано

Прощание

Знаете, вас бы не позвали на похороны Лии Монтгомери. Церемония прощания прошла в маленькой церквушке, более чем скромно и в кругу только самых близких.

Лия была женой профессора Филиппе Берди всего лишь год, но её похоронили в его семейном склепе. День прощания выдался мрачным и серым. Из-за вьюги всё скрывалось в снежном вихре. Ветер пронизывал насквозь и задувал свечи. Никто не был готов к жуткому холоду снаружи и горечи, ледяющей душу, внутри. Все думали лишь: «Зачем маленькой Лие такой огромный гроб?» И эти странные мысли о понятном и мирском нравились людям. Это отвлекало от самого страшного, от мыслей о собственной смерти.

Филиппе думал: «Раз уж места хватило бы нам двоим – почему бы и мне не лечь рядом с женой?»

Тело выдали только через две недели после смерти. К этому времени весь запас слёз иссяк. Никто не плакал и не устраивал истерик. Горе казалось таким выматывающим, иссушающим. Держаться Филиппе помогала лишь возможность в любой момент уйти вслед за женой, туда, в чёрное небытие, из которого нет возврата. У него есть выбор.

Вместо хора наняли дуэт. Девушка проникновенно пела The Band Perry – If I Die Young. Голос её не дрожал, несмот-

ря на явно опрометчивое решение надеть пальтишко не по погоде. Скрипач замёрз так, что пальцы с трудом сжимали смычок. Игра получилась нервной, неровной.

Каждый вспоминал о своих трагедиях. Хлоя, например, о том, как сестра выбрала эту песню, ещё задолго до своей смерти.

* * *

В тот день Лия вернулась домой после похорон лучшей подруги.

– Они не выполнили её просьбу, они не стали! – в голосе девушки было много боли, но злости больше во сто крат.

Насмотревшись, как это делают в фильмах, Лия снесла всё со стола. Резко, обеими руками, но получилось не столь эффектно, сколь громко, неуместно и наигранно. Это разозлило её ещё больше. Она беспомощно взревела и закашлялась:

– Последней волей Роуз было, чтобы на похоронах не плакали, а танцевали и включили правильную музыку. Она мечтала уйти под ту самую песню. Понимаешь? А её бабушка всё испортила! Но ты ведь сделаешь это для меня? Когда умру, поставят, что я попрошу? Пообещай!

Хлоя тогда согласилась, не стала переубеждать, что младшенькой уготована долгая жизнь, а лишь крепко обняла. Лия заплакала, но уже от облегчения: её наконец-то услышали.

* * *

«Видишь, сестрёнка, я сдержала своё обещание», – думала Хлоя, вспоминая тот день.

После выступления священнослужитель степенно произнёс прощальную речь. Внимательно слушали только дети Хлои, для которых смерть была диковинным явлением, никак не связанным с ними или жизнью в целом. Простите им это. Малышам всего три года, но вели они себя хорошо: не баловались и стояли ровно, выпрямив спину, как их учила бабушка. Софи робко взяла брата за руку, Филиппе почувствовал тепло.

«А у меня руки всегда были холодными, а сердце горячим», – услышал он голос Лии, своей мёртвой жены.

Профессор зажмурился. Он больше не мог смотреть на закрытый гроб, представлять, что там лежит его единственная любовь. Мужчина мечтал: *«Вот стоит лишь открыть глаза, и всё окажется сном. Раз, два, три. Пожалуйста! Я буду лучше, прощу всем долги, стану помогать животным. Сделаю всё! Ну же, что там ещё нужно пообещать?!»*

Но чуда не произошло. Филиппе нехотя огляделся вокруг. Смотреть на сестру жены было почти невыносимо. Лия и Хлоя слишком похожи: такие же тёмно-русые волосы, карие глаза, пушистые ресницы, пухлые губы. Вот только у Хлои уже появились морщинки, которые выдавали возраст.

«Такой ты могла стать через пять лет, если бы только была жива, – он посмотрел на племянников, которых одели слишком тепло. Близнецы походили на маленьких плюшевых

мишек. – Такими могли быть наши дети, если б только...»

Поодаль стояли лучшие друзья, с которыми они вместе преподавали в университете. Филиппе услышал комментарии мёртвой жены: *«Смотри, Марго похожа на панду и неспроста вцепилась в Ричарда так крепко. Эти двое что-то от нас скрывают. – Лиля переключилась на Тима: – Даже на похоронах умудряется выглядеть как фотомодель. Как думаешь, он приударит за невицей?»*

Когда спросили, не подготовил ли кто-нибудь поминальную речь, все промолчали. Даже Тим, который всегда находил нужные слова, и тот предпочёл воздержаться. Холод сковывал не только тела, но и души. Силы были на исходе. Филиппе шепнул сестре: *«Пусть отнесут в склеп. Отпустите тело»*. Так и сказал: *«отпустите»* вместо *«опустите»*. Душу отпускать не собирался, да и в склепе не опускают гроб. Сам, не извинившись, вышел на улицу. Захотелось курить, и воспоминание пришло как по заказу.

* * *

Это случилось в день похорон родителей. Все разошлись, и Филиппе курил прямо на кухне. Кто ему запретит? Мать? Отец? Пусть для начала воскреснут. Бабушка, которая неожиданно проснулась среди ночи, не напугала его, но забрала сигарету. Он ждал нагоняя, готовясь отстаивать свои права на взрослую жизнь.

«Не кури постоянно, – бабушка затянулась. – Не носи с собой этой гадости, не захламляй лёгкие, но на моих похо-

ронах разрешаю выкурить даже две».

Тогда Филиппе заплакал как ребёнок, надрывно и чисто. Понял, чтобы стать взрослым, ему нужно ещё подрасти. После похорон бабушки выкурил целую пачку. Его потом долго мучило с непривычки – к табаку он больше и не думал прикасаться. До сегодняшнего дня.

* * *

Чувство вины сдавило грудь: лёгкие, казалось, перестали слушаться. Филиппе пытался сосредоточиться на дыхании, но становилось только хуже. Сердце же, напротив, билось слишком быстро. Здравствуй, паническая атака, первая в череде грядущих. В его голове крутилось навязчивое: «*Её нет, её нет и не будет*». Резкий порыв ветра был похож на пощёчину, возвращающую в реальность. Снег всё ещё шёл, но теперь хлопья падали медленно, безмятежно. Где-то вдали, около могил, стояла девушка. Худая, во всём чёрном, лицо спрятано за вуалью. Филиппе поёжился: «*Может, это смерть пришла посмотреть, какую красоту забрала? Или уже за мной?*» Его отпустило. Дыхание вернулось в норму, приступа будто и не было вовсе. Тень показалась знакомой. Он хотел помахать ей, но не успел.

* * *

– Филиппе, – отвлекла Софи, – ваши друзья уезжают сегодня на конференцию, поэтому будут только родственники. Карла и Хлоя вместе с Питером уже поехали ко мне. Не волнуйся, я всё подготовила.

– Зачем я им? – Филиппе задавал вопрос больше самому себе. – Не понимаю, почему они всё ещё хотят меня видеть?

– Ты расскажешь, как любил её, – объяснила сестра, когда они уже сели в его машину. – Все поделаются, как им больно, и станет легче. Именно так и бывает, неужели ты забыл?

– Рассказать? Разве это можно рассказать?! – взорвался Берди. – Софи, лучше бы им оставить меня в покое. Я видел, как она страдала, мучилась, ей было так больно, её глаза... – у него выступили слёзы, но говорить брат стал ещё жёстче и быстрее: – Она держала меня за руку до последнего вздоха. Жизнь уходила из неё, но единственное, что я мог сделать – просто быть рядом. И ничего больше. Лучше бы я умер вместо неё или вместе с ней!

Софи не отвечала, и он продолжил:

– А ты хочешь, чтобы я говорил о любви?! Разве они хотят услышать, что она умерла из-за какого-то идиота, который, видите ли, любил её, пожалейте и его заодно. Ему ведь тоже ой как нелегко. Это всё бред! – он ударил по рулю, и сработал гудок.

Стайка птиц взметнулась в небо. Софи тоже вздрогнула, потом нахмурилась.

– Останови машину, я поведу, – приказала она, но первой выходить не стала. Вдруг брат уедет без неё?

– С какой стати? – запротестовал Филиппе.

Софи толкнула его в плечо, и по взгляду было понятно: шутить она не намерена.

– Права-то у тебя хоть есть?

– Уже три года, – сестра снова больно его ударила. – Мало ли что ты не хочешь. Делай, как я говорю, – появились властные нотки, совсем как у мамы.

– И когда ты так выросла? – недоумённо шептал профессор, пока они менялись местами.

Машина плавно тронулась с места. Тишина была такой гнетущей, что он не выдержал и сорвался:

– Куда мы едем? Мы проехали поворот. Я же говорил, ничего ты не умеешь!

Филиппе злился: *«Хочу в наш бар, выпить, а не заблудиться в лесу. Хотя, если мы потеряемся и умрём, я быстрее попаду к Лие».*

– Заткнись! – прошипела Софи. – Знаешь, то, что ты старше и умнее, не даёт тебе права издеваться надо мной. Мы едем из города, а вот вернёмся ли, зависит от тебя.

– В этом какой-то сакральный смысл? – возмутился брат. – Один из ритуалов? Как справиться с болью за десять шагов? Опять твоя идиотская психология, социология или другая псевдонаука? Хочешь отвезти меня в домик родителей, чтобы я вспомнил, как и тебе когда-то было плохо?

Он угадал и бил по самому больному, ведь изначально план был именно таким. Софи на секунду побледнела, а потом её обожгло изнутри. Она резко нажала на тормоза. Их сильно тряхнуло. Филиппе не успел ничего сказать, а сестра уже прибавила газу. Стрелка спидометра двигалась быстро,

перескакивая отметки. Деревья замелькали, а потом и вовсе начали сливаться в одну сплошную. Мужчина вцепился в сиденье, голова закружилась.

Филиппе никому не говорил, что купил большой и надёжный автомобиль не для того, чтобы гонять и красоваться, а лишь в целях безопасности. Если попадёт в аварию, будет больше шансов выжить. У других меньше, а у него больше – плевал он на них. Берди не хотел умереть, как родители, в искорёженной консервной банке, из-за какой-то нелепой случайности.

Сейчас он думал: *«Неужели настолько важно, как я уйду? Пусть себе гонит со всей дури. Но, если её не остановить, она тоже умрёт»*. Воздуха снова не хватало. Адреналин. Не то чувство лёгкого страха, которое испытываешь, катаясь на аттракционах, а дыхание смерти. Рубашка неприятно прилипла к телу. Сердце сжимали невидимые стальные прутья, и оно начало трепыхаться, как бабочка, быстро, хаотично.

– Всё ещё хочешь умереть? – Софи выглядела безумной.

– Уж точно не так, – побледнел Филиппе.

– Тогда как? – она немного отпустила педаль. Девушка не боялась скорости. Потерять брата – только это пугало. Если оставить всё как есть, старуха с косой очень скоро появится вновь.

– Останови, – попросил он скорее жалобно, чем требовательно, – прошу тебя. Останови! Мы же разобьёмся!

Софи его слышала. О да, она прекрасно его слышала. Но вжала педаль ещё сильнее. Их потрянуло на кочке. Казалось, ещё чуть-чуть и они вылетят на обочину.

– Давай вместе? – предложила Софи. – Питеру будет меньше забот: ему помогут, утешат, соберут денег. Как нам тогда, помнишь?

– Ты чокнутая! – испуганно выкрикнул брат. – Это не шутки! Не игра! С чего ты решила, будто я хочу умереть?

– У меня есть доступ к твоим расходам. Я наведалась в аптеку, но дёрганый старикашка не хотел говорить, что именно ты купил. Тогда пришлось рассказать, как мой брат потерял жену. Пригрозила, что если ты умрёшь от их лекарства, я вернусь, но уже вместе с копами. Так откуда у тебя рецепт на снотворное? – машина редела поворот за поворотом. Софи сбавляла скорость рядом с редкими встречными и снова давила на газ, когда впереди была лишь пустынная прямая.

– Чего ты хочешь от меня? – злился Филиппе. – Неужели непонятно? Я не сплю после того, что видел и пережил.

– Ох, братец, как же я тебя ненавижу, – голос её стал жёстким, незнакомым. – Ты мой самый близкий человек, как я без тебя?

– Но как же Питер? Ты же любишь его? – это не подействовало. Филиппе старался говорить как можно спокойнее: – Хорошо, я останусь.

Он чувствовал себя сапёром: но какой провод резать и поможет ли? *«Нет, никакая это не терапия. Она настроена*

решиительно. Раз спасти не получается, мы разобьёмся. Мы и правда сейчас разобьёмся!»

– Поклянись честью Лии, – выдвинула своё условие Софи.

– Почему не твоим здоровьем или памятью матери? – брат попытался отшутиться, перевести тему.

– Жена была тебе ближе всех, – она снова попала в цель.

– Клянусь, клянусь честью Лии, я не покончу с собой. Я останусь, пожалуйста, остановись! – умолял Филиппе.

Он решил открыть глаза. Где-то впереди мелькнула тень. И вот вдалеке стоит Лия в малахитовом платье, как в самых банальных ужастиках, – красивая и живая.

– Стой! Тормози! – закричал брат. – Мы же убьём её!

Скрип тормозов стал самым прекрасным звуком. Берди был так собран и напряжён, казалось, даже не моргнул. В ушах зазвенело, голову закружило: *«Лия... Ты жива, Лия? Чёрт, где эта проклятая ручка!»* Наконец открыл дверь, но ноги не слушались, и он выпал на дорогу.

– Филиппе? – позвала Софи.

– Всё в порядке, я в порядке, – поспешно заверил брат. Мужчина медленно поднялся и обошёл машину, аккуратно опираясь на неё руками.

Профессор осознавал, что ему всё привиделось и Лии здесь нет. В паре сантиметров от капота сидела грязная собака, смотрела на него огромными карими глазами. Не убежала, не испугалась огромного куска металла, который летел на неё с бешеной скоростью.

Филиппе огляделся вокруг – никого. Только лохматое животное, само как призрак. Небольшая, похожая на болонку. Шерсть, видимо, белая, но под таким слоем грязи не разобрать. Он сел рядом, она не стала огрызаться, не отстранилась, а, наоборот – прижалась к нему.

– Мы никого не убили? – крикнула Софи. – Филиппе? Филиппе! – но ответа не было, и ей пришлось, преодолевая боль, выйти из машины.

– Возьмём её с собой! – брат пытался перекричать звон в ушах.

– Ты не ударился? – девушка внимательно осмотрела его голову, но не нашла никаких повреждений.

– Разве ты не видишь, как она смотрит? – Берди продолжил уже тише: – Это сучка или кобель?

– Может, она живёт где-то поблизости? – предположила Софи оглядываясь.

– Она ведь дрожит от холода, – заметил Филиппе, сестра молчала. – Да как ты можешь быть такой чёрствой? Она же умрёт здесь!

Софи вздрогнула: *«Сам намеревался умереть, но почему-то решил спасти других. Но он прав: если оставить её здесь, малышка погибнет»*.

– Ну здравствуй, – ласково обратилась она к собаке.

Та, конечно, ничего не ответила, даже не твякнула. Тогда девушка присела на корточки и присмотрелась. Издалека незаметно, но малышка была слишком худа, шерсть скрыва-

ла впалые бока.

– Ты пойдёшь с нами? Мы накормим тебя и себя заодно, – Софи поняла, что и сама сильно проголодалась. В последние дни она так погрузилась в расследование, подготовку к похоронам, проверку своих догадок о суицидальных мыслях брата, что на еду не оставалось ни времени, ни сил.

Девушка заметила потрёпанный ошейник, впившийся в шею, и как можно аккуратнее сняла его. На обратной стороне была нечёткая надпись – «Тесси» или «Лесси».

– Ну что, Тесси, пойдём домой.

Собака в ответ кивнула или просто устала держать голову. Филиппе подхватил её и понёс в машину – собака была лёгкой, почти невесомой. *«Поблизости нет домов, кругом лес. Сколько же она пробыла здесь? – он расстелил своё пальто на заднем сиденье и бережно уложил на него Тесси. – Нельзя рассказывать о видениях и голосах. Нельзя сейчас, нельзя...»*

– А если она болеет бешенством, укусит тебя и придётся ставить уколы? – волновалась Софи, пока заводила машину. – Ты хоть представляешь, как страшно умереть от асфиксии?

– Значит, не судьба, – а сам подумал: *«Или как раз судьба»*.

Софи больше не гнала и заехала за кормом. Она переживала, как оставит Филиппе одного, пока пойдёт в магазин. Но брат уснул, крепко прижимая к себе собаку.

Папочка, приди и спаси нас!

– Мне точно нужно идти? – спросил Филиппе, когда они приехали к Софи домой. Он хотел выпить и уснуть, желательно не просыпаясь. Вот только его, как и Гамлета, мучил один и тот же вопрос: *«Какие сны приснятся в смертном сне?»*

– Давай пока оставим её в гараже или подвале? Собака будет отвлекать или испортит новую мебель. Запачкает или, хуже того, погрызёт, – Софи прищурилась и недовольно посмотрела на брата, а потом на Тесси. Малышка хотела попросить не оставлять её одну, но на лай по-прежнему не хватало сил, и она лишь грустно вздохнула. Устоять было невозможно.

– Я возьму, если что-то пойдёт не так, – предложил Филиппе.

– Договорились, – смягчилась Софи. – Только первым делом помой её. Эти грязные лапы не будут ходить по моему чистому паркету и уж тем более не коснутся ковра в гостиной.

Профессор был рад возможности немного прийти в себя и отвлечься, пока остальные накрывают на стол. Поставил собаку в большую ванну и ласково погладил, начал бережно поливать Тесси из душа. Эти простые действия успокаивали. Он не переоделся. Рукава пиджака намочили, вода и грязь попали на брюки. Филиппе хотел поскорее навсегда избавиться от свадебного костюма: *«Я был так счастлив, надевая его в тот день. Почему я выбрал его сегодня? Порадовать её?»*

Вот идиот».

– У вас там всё в порядке? Или мне помочь? – поинтересовалась Софи, но заходить не стала.

– Ничего не нужно, мы сами, – отозвался Филиппе. Тесси задрожала из-за того, что он повысил голос. Мужчина обнял её и вспомнил их с женой давний ночной разговор по душам.

* * *

– *Давай заведём кошку?* – предложила Лия.

– *Собаку? Детей?* – шутливо отозвался он.

– *Каким отцом ты собираешься стать? Я хочу прожить это по-настоящему, понимаешь?* – спросила она серьёзно. – *Быть рядом с ребёнком, воспитывать и принимать. Не беспокоиться, что он рушит мою карьеру. Стать ему другом. Не спихивать на няnek без крайней нужды. Не для галочки. Не хочу потом обнаружить, что совсем не знаю его. Прочувствовать каждый момент становления, направлять, оберегать и отпустить с лёгким сердцем, когда придёт время.*

– *Я хочу так же, – Филиппе обнял жену. – Только прошу, давай у нас будет один ребёнок? Ты сама знаешь: любовь родителей не всегда делится поровну. А может, и никогда.*

* * *

«У нас уже не будет детей, – думал профессор сейчас, – ни одного, ни даже двух. Ни одного. Никогда».

Стало адски холодно, и он услышал: **«Папочка, спаси нас!»**

Собака тьякнула и вывела его из транса. Филиппе наки-

нул на мокрую Тесси большое полотенце, та не сдвинулась с места, пока её не вытерли насухо. Потом попыталась отряхнуться, но только вяло повела ушами и медленно вышла из ванной, тихонько цокая когтями.

Софи перехватила брата в коридоре – мокрого, грязного и взъерошенного. Молча отвела его в спальню, выдала чистую одежду: длинную чёрную водолазку и старые потёртые джинсы Питера. *«Филиппе теперь напоминает Стива Джобса, не хватает только очков и седины. Хотя... – приглядевшись, она увидела парочку серебристых прядей. – Как я раньше не заметила? Не заметила, что брат за эти две недели постарел на годы».*

В гостиной от ароматов кружило голову. Софи вместе с Карлой и Хлоей приготовили всё ещё до поездки на кладбище. Лия не любила готовить, зато частенько вспоминала мамину стряпню.

«Всё так странно, так не сочетается, – Филиппе привык, что на поминках всегда отвратительная еда, – горе, слёзы и эта сочная куриная кесадилья, лазанья. Как сюда могла прийти грусть? Почему?» Все молча помогали друг другу накладывать еду, общаясь только кивками, короткими фразами. Он не просто вспомнил – увидел, как кинофильм перед глазами, тот нелепый случай.

* * *

Жена кружилась вокруг схем, держа в руке кружку. Филиппе подошёл сзади, хотел обнять её. Она не ожидала и всё

расплескала. Пятно расплылось на бумаге, немного размыв чернила.

– Вот изобретём мы машину времени, я вернусь в этот самый момент и успею уклониться, – пообещала Лия, уверенная в их успехе.

– Я вернусь раньше и отучу тебя пить кофе за работой, – подначивал профессор и тут же принял кофейный душ. Хорошо хоть, напиток был чуть тёплым.

Лия обиделась: она считала, эта манера пить на ходу, жить с кружкой в руках делает её особенной. Так и было. Ей всё это шло, даже излишняя эмоциональность.

* * *

Мать Лии начала беседу, заставив его отвлечься от воспоминаний:

– На десерт я приготовила лимонный пирог. Дочка очень его любила, – последнюю фразу Карла произнесла по-итальянски.

Тут всё было так, как любила Лия: только близкие, вкусная еда и пластинка Эллы Фицджеральд. Карла не собиралась плакать: ей не впервой терять близкого человека. Это не примиряет с болью, но, прочувствовав однажды, понимаешь, как бы ни было плохо – это проходит. Самое страшное – это действительно тоже пройдёт. Хлоя положила свою руку поверх руки матери. Жест был по-семейному милым и трогательным. Филиппе вновь ощутил одиночество, оно становилось осязаемым.

Софи вспомнила, как бабушка подошла к ней на похоронах родителей.

* * *

«Милая, ты ведь знаешь, что не стоит плакать понапрасну, – бабушка обняла её. – Когда я умру, пусть твой платочек останется сухим. Пусть все смотрят на вас и думают: „Какие у неё сильные внуки“. Пойми, самые честные слёзы – те, которые пролиты в одиночестве».

Софи услышала её, подросла и стала сильной. На похоронах бабушки они с братом держались достойно её памяти, как она того и хотела.

* * *

– Можно я расскажу? – Карла обратилась к Филиппе. – У нас принято делиться воспоминаниями об ушедших. Понимаю, тебе тяжело, но позволь мне. Лия, как и все в нашей семье, занималась вокалом, рисованием и танцами. А потом неожиданно увлеклась физикой. Думали ненадолго, не верили, будто это всерьёз, но ошиблись, – она неспешно пригубила вино, переводя дыхание. – Всё началось с того, что дочка наткнулась на видео с твоим выступлением о каких-то материях или материалах. Прости, не запомнила. Там было ужасное качество и звук, но она всё пересматривала и пересматривала его раз за разом. Потом взялась за энциклопедию, затем начала искать статьи в Интернете. Лия подолгу засиживалась за компьютером и книгами, меня это беспокоило, – и неожиданно замолчала.

– Помнишь, как ругала её, что она начнёт носить очки раньше тебя? – подхватила Хлоя. – Мы никак не могли понять, что же она там ищет? Лия лишь отмахивалась, говорила, что изучает, познаёт, станет великим учёным и обязательно сделает какое-нибудь значимое открытие, а вот мы умеем только красиво петь. Я не обижаюсь, – и тут же исправилась: – Не обижалась.

– Не обижались, хоть и считали её поведение немного странным, – добавила Карла. – Лия отличалась от нас, пошла в отца.

– О да, – согласилась Хлоя, – они с папой всё спорили об устройстве Вселенной, чёрных дырах. Сейчас, наверное, встретились там и продолжили свои беседы.

– Моя дочь восхищалась тобой, Филиппе. Я лишь надеялась, чтобы это было во благо, – вздохнула Карла. – Она рассказывала об этом? Как ты её вдохновил?

«Восхищалась мной, а я подвёл её, – злился Берди. – Всё это не пошло ей во благо, она мертва! Её не будет! Никогда! И это моя вина».

Весь вечер они вспоминали о Лие: грустное, весёлое, порой слишком личное. Филиппе осознал, что за эти четыре года даже толком не узнал, какой была его жена. Сердце щемило: *«У меня теперь нет никого ближе её родных, зря я боялся их. Только они понимают, как больно её потерять».*

Следствие уже началось, и скоро его должны были вызвать на очередной допрос. Больше всего ему не хотелось снова

и снова рассказывать о том вечере. О том, как он, кажется, убил её. Но Карла и Хлоя не укоряли его, не пытались выяснить, как всё произошло. Они разделили с ним эту боль и уехали в отель около полуночи.

Профессор был слишком вымотан и пьян, ему постелили в комнате для гостей. Филиппе неожиданно обнял Питера, прошептал: «Спасибо». Он отстранился, лишь когда почувствовал, как его слёзы намочили чужую рубашку. Уходя, Питер погасил свет, но на всякий случай оставил дверь приоткрытой. Алкоголь подействовал. Берди уснул, не увидев её лица.

***

Профессор проснулся около полудня. Вставать не хотелось, но голод напомнил ему, что пора уже выходить из своего логова. Спустился вниз и нашёл Софи на кухне. Сестра читала газету.

– Разве в наше время ещё кто-то читает? Я думал, все утыкаются в телефоны, – брат старался, чтобы в его голосе звучало больше иронии, чем горечи.

– Только если пишет твой муж. Питер, кстати, выгулял найдёныша. Решил дать нам выспаться, – Софи отложила газету. – Как насчёт яичницы с беконом? Или завтрак чемпиона – хлопья с молоком?

– А если я соглашусь на всё сразу? – он сам удивился такому аппетиту.

Сестра кивнула, она находила это хорошим знаком. Фи-

липпе всё зевал, стоило умыться, но взглянуть на себя было выше его сил. Он потёр лицо руками, зацепился за колючую бороду, размял плечи, спину. Всё тело ломило.

– Пойдём лучше к камину, – Софи поставила еду на поднос. – Сегодня опять этот жуткий холод.

Шторы в гостиной были плотно задёрнуты. В полумраке можно скрыться от реальности, от внешнего мира и создать собственный. Софи удобно устроилась в кресле. Филиппе выбрал диван, за который вчера переживала сестра. Заметил, как много книг в дубовом шкафу. Поленья потрескивали, от камина шло расслабляющее тепло. Было тут нечто мажущее и волшебное.

«Питер всегда мечтал о большой библиотеке, сестра о камине, – думал Берди. – То, о чём мечтали мы с Лией, уже никогда не сбудется. Не будет ни вечного двигателя, ни наших детей. Хотя нет, кое-что всё же успело исполниться прямо перед её смертью».

Лия мечтала надеть на их годовщину своё любимое платье. Каждый день примеряла его, но упрямая молния не желала ползти вверх. Жена села на диету, а он всё шутил про её отменный аппетит и любовь к трём «п»: пицце, пасте и паэлье. Однако она отчаянно стремилась к своим идеалам и преуспела. Филиппе встряхнул головой, хотел вернуться в реальность. Он знал, ему не вытрясти из себя все эти грустные мысли, но попытался сделать вид, чтобы не расстраивать сестру.

– Помнишь, как бабушка читала нам сказки? – она меланхолично улыбнулась. – Никогда не укладывала, мы ложились сами. У неё был такой низкий, скрипучий голос, она винила частые простуды. Но ответ крылся в баночке из-под специй.

– С кубинскими сигарами, – добавил Филиппе.

– Бабушке не было и шестидесяти, а тогда казалось, что это беспросветная старость, – вспоминала Софи. – Думала, когда мне стукнет восемнадцать, буду взрослой, серьёзной. Но разве умный человек станет пить на голодный желудок накануне сложного экзамена?

– Сдала? – он уминал завтрак, стараясь не запачкать всё вокруг, но глотал жадно.

– Да, а самое забавное, на отлично, – похвасталась сестра. – Я пришла в ужасном состоянии. Без косметики, с огромными синяками под глазами. Думала, не стоит идти. Но преподавателем был суровый мужчина. Как и все, считал свой предмет самым главным.

– О да, мы такие, – он вспомнил про университет, и стало тоскливо.

Профессор обожал свою работу. Каждый раз, когда Берди начинал читать первую лекцию новому потоку, – это был вызов. Студенты нехотя слушали, кто-то лениво записывал, другие откровенно зевали. Но вскоре разговоры прекращались, а ручки и телефоны откладывались в сторону. Это было настоящее шоу! Филиппе легко их очаровывал, а потом вёл за собой, освещая сложный путь в науку.

– И вот, из-за бессонной ночи меня сморило. Проснулась, когда все ушли. Преподаватель сидел за столом и проверял работы. Знаешь, почему он поставил мне пятёрку? Решил, раз я сладко сплю, значит, всё знаю, – Софи неожиданно сменила тему: – Скажи, как так получилось: когда погибли родители, мы сблизились, а после смерти бабушки нас развело?

– Прости меня. Я был молод и заносчив. Весь мир лежал у моих ног. Общение с тобой делало меня мягким и домашним. Ты была моим якорем. Или, лучше сказать, причалом, – Филиппе вздохнул, метафора хоть и звучала пафосно, но верно отражала суть. – Да, я знал, можно вернуться в любой момент и меня примут. Я много вспоминал о нашей семье, когда видел тебя. О том, как мало от неё осталось.

– Мне было тяжело, когда ты отдалился, – сегодня откровения давались ей легко. – Если брать твоё сравнение, как причал я пустовала, заполняла пространство не теми людьми. Сложно сохранять благоразумие, когда некому приглядеть за тобой. Сам понимаешь, не от большого ума я напилась в годовщину смерти родителей.

Правда больно резанула обоих. Профессор переживал: «Я тогда оставил её одну, это могло привести к беде, и вот снова подумываю уйти».

– Но, к счастью, я встретила Питера, – улыбнулась она.

– Он всегда казался мне Питером Пэном, маленьким мальчиком, который носится со своими буквами, премиями, журнальчиками. Всегда в джинсах и странных кардига-

нах. До сих пор гадаю: с диоптриями ли его очки или для образа? Боялся, вдруг он инфантилен и совершенно тебе не подходит, но был не прав. Потом случилось это... – Филиппе хотел сказать «несчастный случай», но передумал. – Я наблюдал за ним. Он сразу стал серьёзнее, отложил дела, стал оберегать тебя. При нём всегда был горячий напиток, сладкое и носовой платок. Все эти ужасные две недели. У него будто включился режим «настоящий мужчина», – профессор не стал добавлять, как окончательно понял это вчера, рыдая на его плече.

– Я очень люблю тебя. Не уходи, прошу тебя, ради меня. Пожалуйста, ради меня, – Софи пересела на диван и обняла брата.

Он посмотрел на Тесси, малышка лежала на коврике у камина. После того как собаку помыли, шерстка её стала чуть белее. Тут было тепло и хорошо. Но как тирамису пропитывают коньяком, так и этот уютный январский день слой за слоем пропитан болью, горечью, сожалением. Невозможно было сбежать от этого. Только прожить максимально достойно. Филиппе обнял сестру в ответ и попытался не думать про таблетки, которые лежали во внутреннем кармане его пиджака.

Горечь-и-боль

На следующий день профессор отправился на повторный допрос. Он решил пойти сам, пока за ним не приехали. Зачем давать соседям лишние поводы для сплетен? Берди шёл

и вспоминал, как его мучили одними и теми же вопросами, как не отдавали тело. *«Хочу ли я знать правду, от чего именно она умерла?»* – думал Филиппе.

В участке было шумно: каждый занят своим делом. Работа кипела, но без той суеты, как показывают в фильмах, лишь усталые лица перед мониторами. Кто-то просматривал базы данных, другие изучали бумаги, разговаривали по телефону. Профессор заметил молоденькую девушку, которая походила на Софи, и решил подойти к ней.

– Простите, я Филиппе Берди, муж Лии Монтгомери, – представился он и продолжил: – Мне сказали, могут появиться какие-то вопросы, когда придут результаты экспертизы.

– Ох, Берди, – девушка смущённо опустила взгляд, нахмурилась.

«Ох, Берди», – передразнила Лия.

Прочитать эту эмоцию несложно. Жалость – неприятнее боли. Это не сочувствие в полной мере. Чужим людям неловко, грустно, но одновременно они рады, что это произошло не с ними.

– Пройдёмте. Я сейчас позову того, кто занимается вашим делом. Может, кофе? – предложила Луиза. – Не самый лучший, но, если добавить сливки и сахар, получается вполне сносно.

– Да, спасибо. Не откажусь, – Филиппе старался вести себя расслабленно, не привлекать внимание.

«Какая она милая, да? – ревниво прошептала Лия. – Может, кофе?»

Он старался не реагировать на комментарии мёртвой жены. Луиза заботливо сделала ему напиток и подала поцарапанную кружку ярко-зелёного цвета. Девушка не всегда была так мила и не каждому наливала кофе. Она почти разучилась сопереживать, но случай Филиппе отчего-то тронул её. Кружка служила знаком для всех остальных – с этим человеком нужно помягче: её прозвали «горечь-и-боль».

Наконец, к профессору подошёл мужчина.

«И у тебя появятся такие же морщины, если не перестанешь хмуриться», – шепнула Лия.

– Здравствуйте, вы Филиппе Берди? Меня зовут Джордж Кармайкл, пройдёте со мной, – он обратил внимание на кружку и нахмурился: – Кофе можете взять с собой.

Небольшой коридор, один поворот направо, один налево, и вот они оказались в маленькой комнате. Здесь было неуютно. Голые обшарпанные стены, на которых виднелись выбоины, будто кто-то колотил по ним в припадке. Филиппе боялся, что сейчас на него направят лампу или сразу предъявят обвинение в убийстве.

– Понимаю, на вас многое свалилось, – начал Джордж и тут же стал растворяться, голос его звучал, словно через дымку. – После смерти жены... подозреваемый. Не хотелось... в огонь, но всё принимает серьёзный... получили новые... по вскрытию. Вы в курсе, ваша жена была беремен-

на? – и, не дождавшись ответа, продолжил: – Точный срок... не удалось, примерно... в связи с этим... убийство... и нам поручено... мать и плод. Советую вам собрать... на мои вопросы... в ваших же интересах.

«*Беременна?*» – у Филиппе зазвенело в ушах, как тогда в лесу. Он не слышал, не понимал, что ему говорят.

«*У нас мог быть ребёнок*», – *объяснила ему Лия.*

Воздуха снова не хватало. Филиппе погружался всё глубже и глубже. Звон исчез, но заложило уши. Теперь весь мир был так далеко. Их разделили тонны воды и придавили его ко дну.

– Я погубил моего ребёнка, я убил его, – еле слышно пробормотал профессор.

– Берди, вы слышите меня? – Джордж уже хотел позвать врача.

– Ребёнок... у неё был ребёнок, – повторял он как зачарованный. Нога начала подёргиваться – так было всегда, когда Филиппе нервничал. Лия почти отучила мужа от этой привычки. «*Но Лии нет, ребёнка нет, – крутилось в его голове, – никого нет, ничего нет*». Воздух вернулся в лёгкие, а вот у звука не прибавилось громкости.

– То есть вы не знали о беременности? – Джордж выдохнул, подумал про себя: «*Обморока мне ещё тут не хватало*».

– Мы не собирались. Пока не собирались. Нет, я не знал, – одни слова Филиппе выдавливал из себя, другие точно выплёвывал, третьи сами скатывались с губ.

Он уже ничего не понимал, его рассудок медленно уплывал. Не хотел ни плакать, ни крушить всё вокруг, как делали те, кому давали эту зелёную кружку.

– Поскорее бы покончить со всем этим, – неожиданно произнёс он вслух.

Что должен испытывать человек, из-за которого умерла его любимая и ребёнок? Беспомощность и бесконечное чувство вины. Ничего не изменить. Не выпросить прощения. Не вернуть. Время тугой петлёй сдавливало горло, опять стало трудно дышать.

«Милый, приди, спаси нас», – попросила Лия, её голос прозвучал теперь отчётливо, словно она стояла позади него.

Когда всё закончилось, он не выпустил кружку из рук, унёс с собой «горечь-и-боль». Пока добирался до дома, несколько раз чуть не угодил под машину. Водители сигналили ему, но Филиппе слышал только настойчивый голос Лии.

«Приди и спаси, спаси нас, помоги нам, прошу тебя», – просила она.

Голос твердил одно и то же. Это не походило на игру воображения. Всё становилось настоящим, осязаемым. Он с трудом сдерживал крик, когда ощущал её дыхание на своей шее. Но Филиппе не верил в потусторонние силы и решил, что это его мозг выдаёт такие странные сигналы.

Лишь с четвёртого раза он справился с дрожью и открыл

замок. Тесси пришла его встречать и радостно завилыляла хвостом. Филиппе с диким воем сполз по стене. Обнял собаку и стал раскачиваться, сотрясаясь в рыданиях. Она завыла вместе с ним. Профессор вскочил и поспешил в ванную.

«Они всё ещё там, где и оставил их вчера», – не раздумывая, схватил пузырьрёк и вернулся в комнату.

Филиппе знал, у сестры есть ключи, но на всякий случай дверь прикрыл неплотно.

«Оставить записку? Объяснить, почему ухожу? Или всё же не нужно? – несколько раз проиёлся по квартире. – Почистить зубы? Снова принять душ? А зачем? Умереть красивым и чистым? Не всё ли равно? – руки вспотели, сердце билось часто. – Нужно было отдать Тесси в приют, но сначала отвезти к ветеринару. Эгоист, я жалкий эгоист».

«Филиппе, не надо! – в панике кричала Лия. – Прошу, одумайся!»

Он решил оставить записку и пошёл искать ручку, но услышал непонятный звук. Вбежал в комнату и увидел, как Тесси лежит без чувств, а рядом полупустой пузырьрёк. Филиппе снова взревел. Вопль на сей раз был таким громким, что его услышал сосед, который спускался по лестнице.

– Берди! – крикнул Кристофер. – Что случилось, Берди?

Профессор сидел на полу рядом с Тесси, подвывал. Вот только она ему больше не отвечала.

– Убил, я убил их всех! – кричал он так громко, что и другие соседи могли это услышать.

– Тише! Да о чём ты говоришь? – не понимал Кристофер.

– Родители, бабушка, жена, ребёнок, собака, Тесси, она... она, – он показал на неё, потом на пузырьёк.

– Бери её, и поехали! – сосед уже нащупал ключи от машины в кармане куртки.

Филиппе хотел помочь, но его будто парализовало. Кристофер понял, в чём дело, схватил собаку и побежал к машине. Он не мог смотреть, как животное умирает, пока этот тюфяк бездействует.

«Беги! Ну же, беги!» – скомандовала Лия.

Филиппе очнулся и кинулся вслед за соседом. Половину пути они преодолели быстро, но поток становился всё плотнее. Время уходило.

– Быстрее, пожалуйста, быстрее, прошу тебя! Я прошу тебя!

Кристофер вскипел. Он кинул машину на ближайшем свободном месте, подхватил собаку на руки и побежал в сторону клиники. Берди едва поспевал за ним, удивляясь, как тучный мужчина так быстро бежит. На самом деле это его ноги стали ватными от страха.

Филиппе и Кристофер ввалились в клинику красные, запыхавшиеся. Медсестра нахмурилась, хотела попросить их вытереть обувь.

– Собака умирает, отравление! Срочно промыть желудок! – выпалил Кристофер.

Девушка всплеснула руками и побежала за врачом. Даль-

ше всё происходило слишком быстро. Филиппе видел картинку со стороны, как через сломанный калейдоскоп. Собаку унесли. Кристофер тяжело дышал, без сил упал на диван.

– Она должна жить, они должны были жить. Почему опять? – профессор остановился и потёр виски, голова раскалывалась.

– Берди, да о чём ты говоришь? – сосед немного отдышался, красные пятна на лице начали светлеть.

Филиппе засасывало в зыбучие пески подсознания, из которых сложно выбраться. Люди неспроста теряют рассудок, когда боль души становится настолько сильной, что её невозможно стерпеть. Защитный механизм – всё отвергать, не подпускать ближе. Главное – выжить любой ценой. Кристофер знал, что профессор недавно потерял жену, идёт следствие. Но как расценивать его слова «я убил их всех»?

«Собаку тоже он отравил или случайность? – гадал Кристофер. – Он ещё говорил про родителей и бабушку. Ладно, пусть с этим разбирается полиция. Я помог животному, а остальное меня не касается».

Прошло несколько часов, прежде чем к ним вышла медсестра.

– Чьё это животное? – спросила она строго, но никто не отозвался. Кристофер ждал, ответа Филиппе, но тот молчал. – Я повторяю: белая собака, Вест-хайленд-уайт-терьер, чья?! Вы понимаете, что наделали? – её измученное лицо пугало нездоровым румянцем.

– Она жива? – спокойно спросил Кристофер, пока Филиппе тянул волосы в разные стороны, отчего походил на клоуна.

– Она жива, но это недопустимо! Это издевательство!

– Я оставил Тесси только на пару минут, и тут... – профессор попытался объяснить, но его грубо перебили.

– На пару минут?! Да она голодала неделями и чуть не умерла от обезвоживания! А вы говорите, оставили её на пару минут? – медсестра сверлила взглядом. Филиппе невольно поёжился.

– Простите, вы сделали промывание? Она наелась таблеток, – Кристофер попытался переключить внимание на себя.

– Сделать-то сделали, но желудок был почти пуст. С чего вы взяли, что дело в таблетках? Животное упало в обморок от истощения! Мы поставили капельницу. Она пришла в себя, но всё равно очень слаба. Ещё чуть-чуть, и впадала бы в кому или умерла, – девушка заводилась всё сильнее. Откинула чёлку со лба, взяв маленькую передышку, и перешла на зловещий шёпот: – Что вы за люди-то такие? Зачем заводить животное, если не собираетесь за ним ухаживать? Неправильно срослась лапа, глисты, блохи, да ещё и обезвоживание. Может, мне обратиться в специальные службы и не отдавать её вам?

– Как вы смеете! Я нашёл её недавно в лесу после похорон жены! – разозлился Филиппе.

– Кейт, мы благодарны вам за помощь. Будем надеяться, вы её вылечите, – примирительно сказал Кристофер. – Что-

бы приехать к вам как можно скорее, я два раза нарушил скоростной режим, оставил машину в неполюженном месте и наверняка получу штраф. А ещё я пробежал почти милю с этой собакой на руках. Думаю, мы вполне себе неплохие хозяева и не виноваты в бедах животного до встречи с нами.

После такой тирады Эми даже не обиделась, что её назвали чужим именем. Припомнила, почему лицо одного из мужчин, показалось ей знакомым. Раз в полгода Кристофер привозил своих псов на осмотр.

– Простите, я не должна была, простите, – ей стало неловко за свою несдержанность и поспешные выводы. Девушка убежала, не дождавшись ответа. На смену ей вышел усталый врач.

– О, добрый день, Кристофер! – он сразу узнал постоянного клиента. – Плоховата собачонка, но жить будет. Долго же она скиталась. Мы вытащили занозы из лап, подстригли когти, пока малышка была без сознания. Эми уже успела накричать на вас? Кто бы сомневался. Простите её. Глупышка всё принимает близко к сердцу.

– Запишите эту процедуру на мой счёт. Я ведь уже заработал приличную скидку, верно? – Кристофер почувствовал себя героем и не упустил шанс покрасоваться.

– Верно, – согласился врач. – А пока идите. На всякий случай вот наша визитка, завтра позвоните спросить о её состоянии.

– Не хочу уходить, – Филиппе был настроен решительно. –

Не хочу оставлять её. Я останусь.

– Собака будет вместе с другими спокойными животными, которые отходят от наркоза, и дежурным. Понимаете? – объяснил врач. – Беспокоиться сейчас не о чем, состояние стабильное.

– Я останусь здесь, если можно, – профессор попросил мягко, но настойчиво. – Никого не потревожу.

– Филиппе, пойдём домой, – Кристофер уже направился к выходу. – Заберёшь собаку, когда она поправится.

– Все обращаются со мной как с душевнобольным! – взорвался он, даже голоса в голове поутихли. – Я не в порядке, но не болен, просто не хочу оставлять её одну.

Тут Кристофер вспомнил цвет пузырька. Он понял: *«Снотворное, которое могло убить не только собаку, но и соседа. Зачем ему понадобились таблетки днём? Он держал ручку, а дверь была не заперта – тут явно что-то не так, – два и два сложились быстро. – И как же я сразу не догадался?»*

– Ты прав, нам стоит остаться, – Кристофер уже решил, как ему следует поступить. – Мне нужно отлучиться ненадолго. Я вернусь и принесу поесть, хорошо?

– Ты заедешь домой? – догадался Филиппе. – Вот мои ключи, можешь закрыть дверь? Я забыл про неё впопыхах.

Пробок уже не было, и Кристофер добрался быстро. В квартире у Берди он нашёл пузырёк на том же месте. Таблетки высыпались, но их почти не было видно на кремовом ковре с густым ворсом. Тесси хватило сил только уронить

пузырёк. Собака спасла ему жизнь, благо, не ценой своей.

Кристофер никогда не был сентиментальным или слишком сердобольным, но всё делал по совести, так, как надо. Он попытался поставить себя на место соседа и понял, насколько Филиппе сейчас нужна компания. Крадучись зашёл к себе. Жена спала: у неё разыгралась мигрень.

– Где ты был? Я уснула, – сонно прошептала Мари.

– Милая, мне сейчас придётся снова уйти. Я не приду ночевать, – предупредил Кристофер. – Случилось маленькое ЧП, нужно помочь одному человеку, вопрос жизни и смерти.

Она пыталась понять, правду он говорит или нет. Смотрела так, словно глаза – её сканер. Мелькнула мысль об измене, о другой женщине, но слишком уж он обеспокоен. Да и муж не бросил бы её одну с такой болью из-за пустяка.

– Можешь сказать, где ты будешь сегодня ночью, чтобы я не волновалась? – попросила Мари.

– В ветклинике, с Филиппе Берди, – Кристофер переделся.

– Берди? – переспросила Мари. – Нашим соседом? Разве у него есть животное?

– Люблю тебя, – он притянул жену поближе и нежно поцеловал, как не делал уже очень давно.

На обратном пути пришлось сделать небольшой крюк за пиццей. Нужны были силы, чтобы провести целую ночь без сна. Ему предстояло узнать, как начиналась история любви, которая закончилась так трагично.

И нашла его среди книг

– То был январь, – начал Филиппе, – наступили долгожданные каникулы. Я отправился в университетскую библиотеку, где работал над своей первой книгой. Ну или, скорее, пытался. Уже пару недель бился над третьей главой. Никак не шло, муза окончательно меня покинула. Когда такое случалось, я брался перечитывать моих кумиров: Грина, Хокинга, Пенроуза. Чтобы поймать настрой и писать так же легко. Но тогда ничего не помогало и чужие шедевры вызывали лишь зависть. Я понимал, насколько они хороши. Слова перетекают по каплям в маленькие ручейки, впадают в озёра-абзацы, а те уже в моря глав, становясь неизведанным океаном, в котором хочется не просто помочить ноги, а нырнуть с головой. Я мечтал создать собственный океан, который будут ценить и восхищаться им. Хотел, чтобы в учебниках написали: «Дебютная книга Филиппе Берди, опубликованная в таком-то году нашей эры, одна из величайших научных работ. Она рассказывает о теории струн и описывает красоту нашей Вселенной, невероятные парадоксы бытия».

«О, Филиппе, они напишут», – поддержала Лия.

– Признаюсь, совсем нескромно, – продолжил профессор и улыбнулся. – Я был молод, амбициозен и полон надежд, но в тот день казался себе бездарным писакой. В порыве ярости я стукнул кулаком по столу. Хорошо, хоть библиотекаря не было в зале.

– Штраф за нарушение тишины? – пошутил Кристофер.

– Если бы! – ухмыльнулся Филиппе. – В наказание бесконечные нотации. Я боязливо огляделся по сторонам и увидел красивую незнакомку. Мне стало неловко за свою глупую выходку. Извинился. Лия улыбнулась, и я ей в ответ, – он замолчал и закрыл глаза, возвращаясь в тот момент: – Спросила, не я ли профессор Филиппе Берди. Говорила с акцентом, но ударение в фамилии поставила правильно. Сказала, хочет стать моей студенткой. Она была чудо как хороша, и я вовсе не хотел становиться её преподавателем. Пусть совсем недавно моё сердце разбили, я уже был очарован ею и мечтал пригласить на свидание. Тут зазвонил телефон, прервав нашу беседу.

* * *

– Филиппе, это какой-то кошмар! – пожаловалась Софи. – Эти идиоты всё перепутали, и теперь оранжерей клиентки напоминает садик куклы Барби! Она ненавидит розовый. Выглядит ужасно. Прошу тебя, приезжай. Рабочие пытаются убедить меня, будто это фуксия. Я устала спорить. Они не слушаются, а нужно заставить их перекрасить до завтра, – сестра была готова разреветься. – Меня могут уволить, пострадает репутация. Ты нужен мне! Я знаю, как ты умеешь убеждать. Прошу тебя.

– Хорошо, – недовольно выдохнул он. – Скоро буду, только свари кофе.

* * *

– Я положил трубку и заметил, как Лия смотрит на меня с

интересом, – продолжил Филиппе. – Гадала, кто же звонил, и боялась, что просто уйду. Но я решился назначить ей встречу. Помог сестре и в назначенное время пришёл в «Шекспир». Она уже ждала меня, в том шикарном зелёном платье.

«Малахитовом», – поправила Лия.

– Малахитовом, – исправился он. – Весь вечер мы обсуждали её работы, мои работы, не хотели расходиться, даже когда закрылся бар. Поднялись ко мне. Проговорили до самого утра. Уснули, лишь когда силы окончательно покинули нас. Она на диване, а я – в кресле.

«Как маленькие дети, когда ждут появления Санты и боятся его пропустить», – Лия нашла удачное сравнение.

– Я проснулся около полудня, учуял запах кофе и еды. Она готовила яичницу, словно была здесь хозяйкой уже много лет. Мне захотелось просыпаться так каждый день, чтобы Лия была рядом. Полюбив всем сердцем, я понял, никто кроме неё не в силах его разбить.

– Между вами ничего не было той ночью? – Кристофер немного покраснел.

«Мужчины», – фыркнула Лия.

– Нет, – улыбнулся Филиппе. – Мы даже не целовались. Не было здесь искры, любви с первого взгляда. Она уже долгое время знала меня, казалось, я знаю её всю жизнь. Всё было естественно, точно кто-то прописал сценарий. Некуда было спешить, мы наконец нашлись, – он замолчал и подумал:

«Только тот, кто сочинял историю нашей любви, вычеркнул Лию из этой пьесы, словно она была лишним звеном».

Утром Эми зашла в комнату ожидания и увидела, как мужчины спят на диванчиках. Они замёрзли и укрылись своими куртками. Мусор от пиццы аккуратно собран в пакет. Ей стало стыдно за вчерашнее, зря она вспылила. Ещё никто из хозяев больных животных не оставался здесь ночевать. Девушка тихонько закрыла за собой дверь и отправилась в ближайшую пекарню. Там она купила сэндвичи и ароматный кофе для Филиппе и Кристофера, чтобы загладить свою вину.

Сбежать

Через три дня Тесси выписали. Оказалось, есть небольшие осложнения из-за переохлаждения, но самое страшное позади. Софи постоянно звонила брату справиться, как он. Филиппе скрывал, где он находится, говорил, что всё хорошо. Сам ни с кем особо не общался, просто сидел и смотрел в окно. Со стороны казалось, он наблюдает за прохожими. На самом же деле профессор заглядывал вглубь себя. Смотрел воспоминания как фильм. Прокручивал их снова и снова. Даже сейчас Лия была с ним: отпускала едкие комментарии по поводу персонала, ревниво сопела вслед каждой хорошенькой девушке. Он старался не реагировать, чтобы никто не заметил. С Кристофером после той ночи откровений они больше не общались. Берди было неловко за свою слабость, за то, что сосед теперь знает слишком много.

Дома Филиппе обнаружил, что в холодильнике пусто: *«Заказать еду? О нет. Только не китайская лапша или пицца. Попросить Софи приготовить что-нибудь вкусненькое? Или сходить в кафе? – решал он и зло смотрел на упаковку молока. Никак не мог выбросить, ведь его покупала Лия. Обычное молоко, которое каждый раз попадалось ему на глаза и выводило из себя. – Нормально ли ненавидеть просроченные продукты? Не смей прикоснуться?»* – Берди разозлился и нехотя побрёл к «Альфредо».

Погода была такой же ужасной, как и на похоронах, только ветер чуть тише. Всё равно казалось, он всюду и проникает в душу, выстужая её, как опустевшую квартиру. Тесси осталась дома. Профессор боялся, что долгая прогулка ей навредит.

«Давай возьмём сегодня что-нибудь посытнее, я проголодалась», – попросила Лия.

Филиппе открыл дверь, придержал, пропуская призрак жены вперёд. Звякнул колокольчик. Очнувшись от наваждения, он чертыхнулся и поспешил войти.

– Здравствуй, здравствуй, – грустной улыбкой встретил его крепкий, коренастый мужчина. Кучерявые рыжие волосы забавно выглядывали из-под колпака. Многие шутили, что с такой внешностью Альфредо суждено было стать поваром или работать в цирке.

– Мне нужно... А есть что-то обычное, домашнее? Столько, чтобы я не думал о еде пару дней или даже неделю, –

Берди оставил право выбора за поваром, а сам сел за их столик у окна. Разглядывал редких прохожих, которые кутались в тёплые одежды, забавно хмурясь. До Лии он тоже не любил такую погоду. Но всё стало иначе, когда у них появилась своя традиция. Они заранее готовились к холодам: закупили еду, проверяли запасы свечей. Филиппе брал отгулы, и целую неделю можно просидеть дома, работая над общим проектом. Прерывались лишь на вкусный ужин из любимой пекарни и хороший фильм. Мир за окном переставал существовать.

– Ну вот, всё готово! Одноразовых контейнеров не оказалось, эти вернёшь, когда сможешь, – соврал повар. Ему было важно увидеть профессора снова, узнать, всё ли с ним хорошо. За несколько лет он сильно привязался к Берди и его жене, которая делилась с ним рецептами невероятно вкусных блюд. Лия была мила с ним и смеялась звонче любого колокольчика. Когда Альфредо узнал о её смерти, сам горевал как о близком друге.

Добравшись до дома, профессор решил выйти в Интернет. Там его ждали сотни, тысячи непрочитанных сообщений. *«Всеобщее любопытство настигает меня, – злился он. – Раньше писали на электронную почту – необязательно отвечать сразу. Можно и вовсе соврать, будто письма потерялись, попали в спам, или ты ещё не был в Сети, а тут тебя сдают с потрохами».*

«Сколько же девиц тебе пишет. Наверняка хо-

тят утешить», – едко высказалась Лия.

Филиппе удалял сообщения, стараясь не читать их. Все сожалели, все, кто хорошо или только мельком был с ним знаком. Он не понимал: *«Почему этим людям хочется прикоснуться к моему горю? Неужели мне от этого должно стать легче?»*

Профессор не заходил в Сеть со дня её смерти и вот наткнулся на последнее сообщение от Лии: «Люблю тебя...» Открыл его, в панике нажал «удалить», а потом «выйти».

«Почему ты не прочитал? – спрашивала жена. – Неужели ты не хочешь знать?»

Выйти. Сбежать. Но тут же пожалел об этом. А если там было о ребёнке или о том, что случилось? Вдруг там был ответ?

Хранить молчание

Следующую неделю Филиппе просидел дома. Он бездумно перелистывал каналы, ходил в одном и том же, в водолазке и джинсах Питера, на ночь не раздевался, а заворачивался в халат. Нужно было переодеться, прибраться и принять душ, но где взять сил? Его пугала мысль о том, чтобы снова заглянуть в шкаф и увидеть вещи жены. В прошлый раз он достал свитер, который всё ещё пах её духами, и пролежал с ним весь день. На улицу выходил ненадолго, только выгулять Тесси. Часто вспоминал фильм, где девушка после смерти мужа долго не могла привыкнуть наливать одну чашку кофе по утрам. Для него же, напротив, было удивительным, нахо-

дить на столе пустую и грязную «горечь-и-боль», которую он утащил из участка, разбросанные упаковки из-под пиццы и фастфуда. В холодильнике всё ещё стояла та упаковка молока. Картонная коробочка сильно вздулась. Он не понимал, почему не может её выбросить. Почему простые вещи теперь имеют над ним такую власть? Оброс некрасивой щетиной. Не смотрелся в зеркало. Ему было всё равно, что он дурно пахнет и стал походить на бездомного. Всё это расстраивало только Софи.

В один из вечеров в дверь настойчиво позвонили. Филиппе никак не отреагировал. Трель звонка раздалась вновь. Тесси негромко твякнула. Он тихонько подкрался к двери, но его выдала скрипучая половица.

– Берди? – незнакомый мужской голос по ту сторону звучал властно. – Филиппе Берди, это вы? Откройте, полиция.

Он посмотрел в глазок, увидел двух мужчин в форме, покорно отворил и впустил их. Не попросил показать документы, не уточнил, имеют ли они право приходить к нему без предупреждения. «Ковёр испачкают». Но и эта мысль не вызвала сильных эмоций, хуже его квартира уже вряд ли будет выглядеть.

– Мы вынуждены задержать вас по обвинению в убийстве Лии Монтгомери. Вы имеете... использовано... в суде.

– У меня больная собака. Нужно позвонить сестре, чтобы она её навещала, – голос профессора был спокойным, бесцветным.

– Звонок вы можете сделать из участка, – грубо ответил один из них. Чем только не оправдывались те, кого они арестовывали, как только не умоляли, не забирать их. Он привык быть жёстким, даже толком не понял просьбы, не стал вникать.

– Хорошо, тогда я готов идти, – Филиппе опустил на колено, погладить Тесси на прощание.

Злой полицейский схватился за пистолет, а собака заскулила.

– Не волнуйся, Софи присмотрит за тобой, – шепнул он, не замечая, что на него направлено оружие. Профессор всё же спросил, есть ли у них ордер на обыск его квартиры, и получил положительный ответ. Удивился: *«Прошло много времени. Если ничего не нашли при первых двух обысках, почему решили, что получится сейчас? Надеюсь, я расслабился?»*

В машине играла Poets of the Fall – Sleep. Филиппе не знал, куда именно его везут, как долго он там пробудет – пару дней или годы. Его мучили странные мысли: *«Будут ли проверять на детекторе лжи? А если да, какие вопросы зададут? Вскроют ли почту? Станут ли читать все эти ужасные письма, которые наверняка придут ещё? Я дам им пароль, если они всё это удалят. О, Тесси, главное, чтобы она окрепла. Может, нанять платного адвоката? Софи будет волноваться»*. Все эти мрачные мысли заставили Лию замолчать, а ведь она редко оставляла его.

Полицейские ехали молча. Давно они не встречали та-

кой покладистости. Нет, конечно, не все убийцы похожи на убийц, кроме самых отъявленных психов. Но им не верилось, будто этот тихоня отравил беременную жену, да ещё в своём же баре. В воздухе витало такое горе, страшно было лишний раз вдохнуть. Вдруг заразно? Им стало грустно. Поэтому они привезли его в участок, поскорее оформили бумаги и разъехались по домам. А во сне мужчинам привиделось, как Филиппе обнимает Тесси, шепчет, что всё будет хорошо. Но будет ли?

* * *

С профессором обращались вежливо, будто он снова держал в руках ту зелёную кружку «горечь-и-боль». Всё происходило как во сне: было сложно сосредоточиться, приходилось переспрашивать по несколько раз. Берди боялся, что за рассеянность придётся поплатиться. Ему казалось, вот-вот на него накричат или ударят, решив, что он издевается. Наконец его отвели в камеру и оставили одного. Здесь было чисто, хоть и неуютно. Небольшая кровать со старым матрасом застелена тоненьким колючим одеялом. Одиночная камера, наглухо закрытая, с массивной дверью и маленьким окошком. Мужчина прошёлся по периметру.

«Как меня угораздило? – думал Филиппе. – Хорошо, бабушка и родители не дожили до этого момента. Почему я вообразил себя лучше других? Относился к людям высокомерно, это казалось правильным, ведь я умнее. Да и как не смотреть сверху вниз, если я знал, как всё устроено, и инте-

ресно рассказывал об этом. Как не зазнаться, когда студенты обожают, а лучшие учёные считают мои работы выдающимися? Чёрт возьми, я признан элитой научного мира. Мы с Лией были частью этого мира. Но нас больше нет. Её нет. Мне нравилось, рассказывая о себе в интервью, подчёркивать, что я из семьи риелторов, а следовательно, о протекции и речи быть не может. Кем я мнил себя? Самоучкой, феноменом, талантом, гением? Фортуна не всегда была благосклонна, отбирала самых близких. Но я становился сильнее и думал: уже ничего не страшно. Что я машина, сталь и кремь, вознесённый на вершину своими фанатами. Ошибочно полагая, будто мирское меня не сломит. Но ты смогла. Очищала меня как лук. Слой за слоем, смеясь и плача. И вот смотрите-ка, нашла мою душу, да ещё такую ранимую. То самое естество, без капли нарциссизма и надменности, умеющее любить в ответ. Ненавижу тебя за это. Если б ты не подобралась так близко, сейчас я бы не видел свет этой давно погасшей звезды, не мучился. Не слышал бы твой голос, этих ужасных „Приходи и спаси нас“. Да, я виноват, но и ты виновата! Зачем ты сделала это? Неужели не могла простить меня? Уйти, устроить скандал, истерику? Одним глотком убила нас троих. Кто я теперь? Кто я без тебя?»

И ответы, которые приходили на ум, пугали его. Он ударил кулаком стену со всей силы, осталась небольшая вмятина.

«Зачем ты так?» – спросила Лия.

Когда Филиппе пустили к телефону, охранник намекнул, если кто-то ещё раз попытается пробить стену, пострадает не только рука, но и рёбра. Пришлось извиниться и заверить, что такого больше не повторится.

– Софи? Алло, Софи? – голос его звучал глухо, словно пытался найти дорогу в темноте телефонных проводов.

– Это я, – поспешно отозвалась сестра. – Что-то случилось? Мне приехать?

– Да. Только не забудь свои ключи. Меня арестовали, поэтому тебе придётся остаться за старшую и приглядеть за Тесси. Пожалуйста, не оставляй собаку одну, её только недавно подлечили.

– Тебя арестовали?! Тесси болела? – заволновалась она.

– Ничего страшного, – он хотел успокоить сестру. – Но ей нельзя сейчас голодать. Звони в клинику, если что-то пойдёт не так. Забыл, как она называется. Кристофер знает. Ты знаешь Кристофера? И ещё, я взял контейнеры у Альфредо. Их нужно вернуть, я обещал. Понимаю, у тебя есть свои дела, а тут я со своими глупостями.

– Где ты? Можно ли тебя навестить? Тебе что-нибудь нужно? – сыпала вопросами Софи. – Филиппе?

– Люблю тебя, сестрёнка, – попрощался он.

– И я тебя, – ответила она коротким гудкам, медленно положила трубку и так же медленно села на диван. Питер молча сел рядом и обнял её.

* * *

Доехали они быстро и теперь сидели в машине, смотрели на дом. Люди входили и выходили из бара. Софи нервно гладила руль и не хотела никуда идти.

«Лия умерла не там, – успокаивала она себя. – Но в квартире её вещи и всё будет не так, как прежде. Не будет того уюта и тепла, не будет пахнуть её духами, а ещё страшнее, если всё-таки будет».

– Пойдём, милая. Мы не можем просидеть здесь всю ночь. – Питер положил руку ей на колено, жена вздрогнула, но не стала ничего отвечать, только вздохнула громко и заставила себя выйти из машины.

– Я заберу Тесси, – сказала Софи, пока они поднимались. – А ты навести Кристофера, он живёт этажом выше. Услышишь лай, когда будешь подходить к его двери. Скажи, ты от Филиппе. Узнай название клиники, в которой лечили собаку. Почему? Ну почему он ничего не сказал мне?

– Не хотел тебя тревожить, – Питер знал, что это никак не оправдывает Филиппе.

– Он обещал... – Софи осеклась: *«Да, извинился, что отдалился, но ведь не обещал стать ближе».*

– Ты в порядке? Зайти с тобой? – предложил Питер, когда они уже стояли у квартиры.

– Я сама. Не хочу, чтобы ты видел, как я плачу, – она начала нервничать, что никак не найдёт ключи.

– Разве это нормально, что я ни разу не видел твоих

слёз? – и, не дождавшись ответа, он поднялся наверх.

Руки предательски дрожали, пришлось повозиться с ключами. Софи наконец справилась и вошла в квартиру. Она ожидала, что собака выбежит ей навстречу, как только откроется дверь. Но тишина оглушила. Девушка запаниковала, лихорадочно заглядывая во все комнаты. Тесси оказалась на кухне, лежала под барным стулом, вяло вильнула хвостом в знак приветствия. Софи укутала собаку в полотенце и поспешила уйти. Питер уже ждал её в машине.

– Там такой бардак! – пожаловалась она. – Пустые бутылки, коробки из-под пиццы, в контейнерах остатки еды. Всё покрылось пылью, плесенью, холодильник и плита в разводах и пятнах. Это отвратительно. Как у тебя успехи – узнал что-нибудь?

– Сосед рассказал, что случилось, – Питер замолчал, не знал, стоит ли говорить дальше, но решил не утаивать, – когда Тесси упала в обморок, Филиппе подумал, она съела его таблетки. Снотворное. Кристофер считает, твой брат готовился покончить с собой.

– Он же сказал, что избавился от них, – жена стукнула по рулю, пронзительный гудок напугал прохожих, которые шли по переходу. Один из них зло погрозил ей кулаком. Тесси задрожала от страха, но не издала ни звука.

– Главное, он жив, собака тоже, – муж попытался успокоить её. – Хочешь, я поведу?

– Его же могут посадить. Филиппе забрали как главного

подозреваемого, – волновалась Софи. – Он считает себя виноватым. Но это не так, это не так!

– Я понимаю, ты хочешь его защитить. Но то, что произошло, очень странно. Людей не убивают просто так, – акkuratно рассуждал Питер. – Лия была импульсивной. Допустим, она узнала об измене или даже о невинном флирте? Ты же знаешь, что вокруг твоего брата всегда выются девицы. Вдруг она придумала себе что-то и таким уходом решила наказать его, отомстить. Тем более – Лия была беременна, гормоны. Если только...

– Если только она не взяла тот бокал по ошибке, а яд предназначался кому-то другому, например Филиппе? – предположила Софи. – Столько версий, одна хуже другой. Пообещай мне, если тебя вызовут на суде, будешь придерживаться моей, хорошо? Я не могу потерять ещё и брата. Если присяжные решат, будто он довёл её до самоубийства, могут приговорить его. Даже если на самом деле Лия сделала это сама. Понимаешь?

– Я сделаю всё, как ты скажешь, – пообещал муж. – Но я хочу добраться до сути. Когда знаешь правду, врать становится гораздо легче.

Новое дело

Майки и Джордж сами вызвались вести дело Лии Монтгомери. Семейная драма не вызвала сильного резонанса, никто не разглядел настоящей трагедии. Но напарники любили загадки, а ещё бар, где всё произошло. Они боялись, нерас-

крытое дело плохо скажется на репутации заведения. Вдруг любой посетитель может получить порцию яда? Жаль, в тот день они не пропустили здесь по стаканчику. Дело пошло бы быстрее, если бы друзья были свидетелями. В «Шекспире» их знали как завсегдатаев, которые оставляют хорошие чаевые, и это должно было помочь разговорить сотрудников.

Вот наступил вечер пятницы. Майки потягивал большой стакан пива, Джордж был за рулём и ограничился кофе. Детективы снова в любимом баре, но осматривали его будто и не бывали здесь.

Первый этаж был похож на классические американские бары с мягкими диванчиками для компаний. А второй в стиле лофт: красивые кирпичные стены и уютные столики для двоих. Всё казалось другим, и в обстановке появилось что-то отталкивающее. Сейчас, когда Филиппе был под следствием, «Шекспиром» временно заведовал управляющий Пабло, а Питер и Софи помогали ему. Убийство никак не отразилось на персонале, студенты из небогатых семей больше боялись голодной смерти, чем отравления.

– Как считаешь, с кого стоит начать? – Джордж ждал, пока кофе немного остынет.

– Ты лучше спроси, когда стоило начать. Прошло столько времени, а они только спохватились. Бармена уже опрашивали? Думаю сделать это снова. Узнаем, сколько официантов было и сколько должно было быть. А ещё надо бы проверить и персонал. Кстати, ты выяснил, какой это был яд? – Майки

отхлебнул свежего холодного пива и расплылся в довольной улыбке, а напарник нахмурился. – У тебя память как у рыбки! Как же ты распутываешь дела? – и он заливисто рассмеялся. Он был молод, вечно румяные щёки с ямочками, светящиеся от счастья глаза.

– Не подавись кадыком, – фыркнул Джордж. Раньше он был таким же весельчаком, но с возрастом подрастерял свою жизнерадостность, её вытеснил цинизм. Редко брился и стал похож на молодого Клуни. Когда говорил, кем работает, девушки начинали краснеть и хихикать, а набравшись смелости, спрашивали: «А почему же не в „Скорой помощи“?»

– Не завидуй, – Майки наслаждался хорошим вечером. – Зачем ты сегодня сел за руль? Расслабился бы вместе со мной.

– Здесь в алкогольных напитках бывают отравляющие вещества. Это уж я запомнил.

– Умеешь же ты испортить настроение. – Майки внимательно посмотрел на кружку, подумал: *«Или не пить? Не хотелось бы умереть, как жертва. Да нет, глупости, пиво шикарное»*. – Какая-то мутная история. Давай отбросим версию самоубийства. Счастливая семейная пара отдыхает в баре, который они недавно купили и отремонтировали. Занимаются любимым делом, успешны, ждут ребёнка, но в годовщину их свадьбы её отравили. За что?

– Неужели кому-то не понравились перемены? – Джордж огляделся по сторонам. – Новое меню, симпатичные офици-

антки. А ещё помнишь, какая ужасная музыка здесь играла? Да и те плакаты давно устарели, а этих, – он кивнул на портрет учёного, – хоть и не знаю, но выглядит неплохо.

– Насолили бывшему владельцу? – вставил Майки. – Но они же оставили управляющего? Думаешь, это настолько прибыльное место, чтобы за него воевать? Хотя, если учесть, как часто мы с тобой здесь бываем, всё может быть.

– Думаешь, они силой отобрали «Шекспир»? – Джордж уже представлял это. – Только с виду такие милые, а на самом деле Лия тоже из какого-нибудь клана? Помнишь, мы в ту ночь как раз выезжали на разборки – многим не поздоровилось, – он скривился.

– Одни стереотипы. Если в роду итальянцы, сразу мафиози. Ну что за глупости? Может, ссора с бывшим хозяином? – Майки стоял на своём и пытался рассмотреть эту версию. В то, что Филиппе и Лия преступники, ему верилось слабо.

– А если этот бокал предназначался не ей? – Джордж подкинул новую идею. – Видишь вон ту официантку? Она часто путает заказы. У Джесси память, вот уж точно, не больше трёх секунд. Кстати, нужно ещё проверить сотрудников университета. Берди, конечно, задержали, но подозревать нужно каждого.

– Профессиональная зависть? – предположил Майки. – Я читал, Лия появилась здесь несколько лет назад, быстро стала восходящей звездой. Не преподавала, но вела какие-то лекции, публиковалась. Даже получила пару престижных на-

град. Да ещё такая красавица. Видел её фото в Сети? Думаю, многие считали её протеже Филиппе. Наверняка кому-то это могло не понравиться.

– Или это классика и тут замешаны любовники или любовницы? – Джордж нехотя давился своим кофе. – Мужа спрашивали об этом?

– Пока нет, но стоит, – Майки протянул бокал. – За новое дело?

Детективы чокнулись и почувствовали холод, пошли мурашки. Но никакой мистики: виновата была Джесси, которая включила кондиционер.

* * *

Пока Филиппе маялся взаперти, Майки и Джордж выложились по полной. Опросили всех, кто был хоть как-то причастен. Расписали вечер убийства вплоть до мельчайших подробностей. Выпили много пива, но не продвинулись ни по одной из возможных версий. Но самое главное – не верили, что профессор – убийца. Единственной уликой были его отпечатки на том бокале. Осмотр квартиры ничего не дал. Нашли лишь парочку таблеток на ковре, но эксперты доказали, что это не то, от чего умерла жертва. Грязные носки в барабане стиральной машины, его книга, которая странным образом оказалась в бельевом шкафу, и пара неоплаченных штрафов за неправильную парковку – всё это никак не помогало делу.

Друзья и родственники честно рассказывали, что Лия бы-

ла эмоциональной. Иногда она громко ругалась по-итальянски, а после весело тормошила его волосы и заливисто хохотала. Да, многие могли ей завидовать. Но Лия никому не переходила дорогу. Отказалась от полной ставки в университете, вела лишь факультативные занятия. Ей было некогда, они с Филиппе работали над своими проектами. Никто не знал над какими. Когда его спрашивали об этом, он всегда отвечал: «Машина времени». Все смеялись, никто ему не верил. Лия ни с кем не флиртовала. Ревнива ли она была? Да, однозначно.

Но неожиданно появился таинственный свидетель, который начал обвинять Филиппе. Он якобы видел, как профессор подсыпал яд в бокал жены.

«Шекспир» работал в обычном режиме. Питер присматривал за управляющим Пабло. Софи присоединилась к ним, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Наняла ещё уборщиц, и теперь всё блесло. На втором этаже появились композиции из живых цветов. Стало уютнее. Софи даже не знала, как сильно полюбит это место, сделает его своим. Питер следил, чтобы жена не злоупотребляла, но ей некогда было размениваться на глупости, работа кипела.

* * *

Вечером в пятницу напарники снова вернулись в поисках ответов.

– Парочка безумных учёных, которые пытаются изобрести машину времени. Она умирает, а он не успел доделать

работу и не может её спасти. Как тебе? Чем не сюжет для романа? – Майки всегда придумывал бредовые версии.

– Похоже, твоя девушка слишком часто читает тебе на ночь, – Джордж откровенно подтрунивал над ним.

– Неправда, я большой мальчик и умею сам, – напарник забавно надул губы, а потом пристально посмотрел на бармена, тот чуть не выронил бокал. – Мне кажется или Сэм нас избегает?

– Мы слишком часто сюда заходим. На его месте я бы тоже чувствовал себя неуютно рядом с копами, – Джорджу казалось забавным, когда он называл их так.

– Если серьёзно, мне жаль Филиппе. Даже если его оправдают и отпустят, вряд ли ему дадут преподавать, – Майки представил, что и его могут лишить любимого дела, если он совершит ошибку. – Ты хоть представляешь, как сильно испорчена его репутация?

– Но ещё не доказано, кто убийца, – Джорджу тоже было жаль профессора. – Всё, что мы с тобой смогли найти, указывает на обратное. Я не знаю, откуда появился этот странный парень. Он слишком сильно нервничает, путается в показаниях. Почему Берди держат под стражей? Неужели нельзя выпустить его под залог до суда?

– Странный, это ещё мягко говоря, – согласился Майки. – Но на одном из допросов профессор буянил и чуть не подписал признание. Боюсь, кто-то дождёт его и он сознается в том, чего не совершал. Давай, проверим его на детекторе

лжи?

– Я тебя умоляю. Люди скорее поверят в НЛО, чем детектору, – усмехнулся Джордж. – Как будто мы с тобой сами не обманывали аппарат. Но как доказать невиновность Берди? Мы же не можем вколоть ему сыворотку правды. Или можем?

– Серьёзно? Ты держишь у себя такое? – Майки перешёл на шёпот и недоверчиво посмотрел на напарника.

– Тише, тише. Один хороший друг подарил парочку ампул. На случай, если буду подозревать жену в измене, – прошептал Джордж.

– У тебя же нет жены, – напомнил Майки.

– Я всё же надеюсь, когда-нибудь она появится, – Джордж забавно нахмурился, и оба рассмеялись. – Ты бы проверил свою?

– Киру? – удивился Майки. – Нет, я лучше буду счастливым. Не хочу нечаянно узнать того, чего не должен, – они раздумывали, выпить ли ещё или уже расходиться по домам. Это был хороший вечер, который портили мысли о Филиппе. На душе становилось паршиво, они не могли докопаться до истины. – Я вот всё пытаюсь понять, профессор вину не признаёт, но на защиту взял этого мямлю.

– Хорошо хоть, на той стороне не питбуль, а зануда Эрик, – Джордж фыркнул. – Никогда не любил его.

– Может, поговорить с Эриком? – Майки хотел помочь.

– И что мы ему скажем? Не выигрывай это дело, Берди

не виноват? – Джордж понимал, как их помощь аукнется, – Пожалуется, будто мы давим на него. Остаётся только надеяться на чудо.

В ожидании чуда

За неделю до суда Софи пришла проведать Филиппе. Между ними было стекло, но разделяло их гораздо большее. Соединяли телефонные трубки – безжизненные аппараты, к ним прикасаются люди, которым порой просто не посчастливилось. Смотреть на брата было невыносимо. *«Ужасная щетина, – подумала Софи. – Жаль, Лиля умерла, она бы заставила его побриться. Будь она жива, ничего этого не случилось бы»*. Софи ненавидела Лию за её смерть и ничего не могла с собой поделать. Злиться на мёртвых неправильно, но это выше её сил. Филиппе похудел и осунулся, лишь голубые глаза стали ещё больше. У них было всего несколько минут. За его спиной стоял охранник, высокий, широкоплечий, изредка поглядывал на них. Она чувствовала тяжесть его взгляда. Но обиднее всего, что мужчина смотрел зло, будто Берди действительно преступник.

Филиппе и Софи одновременно взяли трубки, но не сказали банального «алло» или «привет».

– Если меня не оправдают...

– Даже не говори так, не смей, – зло перебила Софи, – ненавижу тебя за это, почему я должна переживать? Почему ты не взял нормального адвоката? Что это за игры с судьбой? Есть свидетель, который якобы видел, как ты ей подсыпал

яд. Кто он? Ты его знаешь? Зачем он врёт? – она корила себя, что не заметила этого сразу, была слишком занята баром, его больной собакой, пока брат творил тут глупости, а теперь поздно что-либо менять.

– Софи, я виноват. Если суд решит, значит, я должен, – Филиппе говорил спокойным ровным голосом, чтобы охранник поменьше на него оглядывался.

– Но ты не убивал её, – робко возразила сестра.

– Их, – машинально поправил он.

«Филиппе, послушай её, – попросила Лия, – она права».

Софи нахмурилась, опять забыла про ребёнка. Все или забывали, или не брали его в расчёт. Не рождён, никто его не видел, следовательно – и не было. Но для него был, только теперь навсегда в прошедшем времени.

– Я больше не могу обсуждать это, – Софи выглядела уставшей.

– Прости меня, но я должен, – профессор считал, что поступает правильно. – А уж если не виноват, тем более – зачем адвокат? В зале будут мои друзья, коллеги. Они все знали, как я любил её. Прошу, позаботься о её матери и сестре. Им сейчас тяжело.

– Но тебя будут судить присяжные! Чужие люди! Думаешь, они смогут поверить? – злилась она. – Почему ты наказываешь себя?

«Как же хочется рассказать тебе, сестрёнка, – думал

Филиппе, – как постоянно слышу её голос, он становится громче и настойчивее. Боюсь зеркал и отражающих поверхностей. Боюсь, что рехнулся, но больше, что всё это на самом деле. Не сплю до последнего, пока не свалюсь без сил, ведь она ждёт меня во сне. Каждую ночь умирает, в своём прекрасном малахитовом платье, а потом спрашивает: „Филиппе, я сегодня красивая? – Снова шепчет это страшное: Приди и спаси нас. Ты же любишь меня, Филиппе?“ Я просыпаюсь в поту и подолгу смотрю в темноту».

Они ещё недолго помолчали, а потом профессор быстро поднялся. Софи не успела сказать, как сильно любит его.

«Как же хочется рассказать тебе, карьера моя теперь под угрозой, – думала Софи. – Все, кто узнаёт про тебя, по разным причинам отказываются от услуг. Другие, наоборот, боятся, а потому заказывают в разы больше. Но когда видят меня – ведут себя как идиоты, прячут глаза, мнут-ся, не спорят. Подсылают ко мне своих мужей, секретарей и садовников. Единственное, что удерживает на плаву, – поддержка Питера. „Шекспир“ процветает вопреки здравому смыслу. Посетителям совсем не страшно, а столик, за которым сидели вы с ней, „ваш столик“, бронируют чаще всего. Неужели не дикость? Чокнутые ищут там привидений. Я сама слышала, как девушка тихонько говорила своему парню, как чей-то голос шептал: „Приди и спаси меня“».

Сестра очень многое хотела сказать, но время вышло. Обо всём этом она думала, пока шла домой. Там её ждали Карла

и Хлоя. Они уже месяц жили у них. Софи боялась не угодить им. Вдруг они откажутся от своих слов и будут настаивать на том, что Филиппе виновен? Что тогда? Они часто рассказывали про Лию, и девушка сама всё меньше верила в то, что это самоубийство. Но и поверить в то, что это сделал её брат, она не могла.

* * *

– Софи, – обратилась Карла накануне суда. – Мы на всякий случай собрали чемоданы и покинем ваш дом, если завтра всё решится. Спасибо, что приютила нас.

– Вам точно нужно уезжать, так скоро? – с одной стороны, она была рада, что они с Питером наконец-то останутся вдвоём. Но с другой, у неё словно появилась настоящая семья – люди, которые спрашивают про твои дела и ждут ответа, потому что на самом деле хотят знать.

– У Хорхе кончается отпуск, некому следить за детьми, – Карла говорила правду. – Я понимаю, ты волнуешься. Не знаю, как всё сложится, но мы на вашей стороне. Филиппе – это лучшее, что случилось с моей дочерью.

Софи почувствовала, как её отпускает и она снова может вдохнуть.

Приговор

Слушание было назначено на раннее утро. Всем, кто был как-то причастен к этому делу, плохо спалось. Им снилась девушка в малахитовом платье, которая шептала по-итальянски «не виноват». Всем, кроме Филиппе, он не спал во-

все.

Одной из первых к зданию суда пришла Бекки Робинсон. Она выглядела чудесно, потому как была в том юном возрасте, когда тональный крем легко скрывает следы бессонной ночи. Девушка стояла около входа и делала вид, будто не решается войти. Всё ждала, ждала – и удача ей улыбнулась.

– О, кто это у нас тут?! Малышка Бекки. Я ждал встречи с тобой, – прошептал он над её ухом нарочито тихо и вкрадчиво.

Вот и её жертва – Эрик Ларсен, смотрел на неё сверху вниз не столько из-за высокого роста, сколько из-за того положения, которое занимал.

– Не ожидала тебя увидеть, – девушка аккуратно поправила волосы, но чтобы он заметил, как она прихорашивается. – Ты со стороны защиты?

– Я всегда со стороны справедливости, – эту фразу он услышал в фильме, а произнёс слишком пафосно.

– Ты ведь знаешь, что Филиппе не виноват, – времени мало, и она решила идти напролом.

– Почему ты так считаешь? – Эрик говорил насмешливо и делал вид, будто ему совсем неинтересно, а сам разглядывал её идеальную фигуру.

– В школе ты раскусил меня, поймал на вранье. Помнишь тот случай, когда бедняжка Мэри якобы случайно оказалась в мужской раздевалке, – Бекки начала издалека. – Все мне поверили, а ты нет. И был прав.

– Конечно, ты говорила очень убедительно, но я видел то, чего не видели другие. – Эрик довольно улыбался. – Ложь. Так же ты врала, когда отказывалась пойти со мной на свидание. Я читаю тебя как открытую книгу.

– Тогда посмотри на меня, – попросила Бекки, – и задай вопрос, на который хочешь узнать ответ. Конечно, если ты действительно на стороне справедливости.

«Как же ты мне нравилась тогда. О, как я страдал, – вспоминал Эрик. – Бекки, Бекки... Что же тебе нужно от меня, милая? Когда-то ты и знать меня не желала, а теперь – поглядите-ка – стоишь и строишь глазки».

– Какие на тебе трусики? – он попытался смутить её, но не вышло. Девушка лишь разочарованно вздохнула. – Смешная. Защищаешь своего профессора. Я изучил дело. Ты одна из свидетелей, возможно, подозреваемая, лучшая студентка. Влюблена в него, да?

– Задай правильный вопрос, – настаивала Бекки.

– Хорошо. Филиппе Берди отравил свою жену?

Бекки покачала головой. Ларсен нахмурился: *«Неужели свидетель врёт?»* Впервые его вывели из себя перед слушанием. Вернулось чувство, которое он успел позабыть. Только теперь Эрика раздражала её правда, которую не хотелось слышать. Девушка решила и мягко дотронулась до его руки.

– Поужинаем сегодня, если суд пройдёт хорошо? – Бекки боялась всё испортить. Весь их разговор был большим

риском.

Эрик отлично понимал, что значит – «пройдёт хорошо». Мужчина отдернул руку и огляделся по сторонам. Их не должны видеть вместе. Это могло навредить. У человека всегда есть выбор. Но правда в том, что как только пришла Бекки, никакого выбора уже не было.

– «Меланж». В восемь, – и он предупредил: – Во время перерыва не подходи ко мне.

Бекки наградила его улыбкой королевы класса и перешла на шёпот:

– Красные кружевные.

Они разошлись. Эрику казалось, он всё ещё чувствует её прикосновение. Спустя столько лет его чувства не угасли. Как и прежде, он хотел заполучить этот трофей, пусть даже упустив другой. В конечном счёте, что значит одно проигранное дело, если Бекки наконец-то станет его?

* * *

В зале было полно народу. Смерть, которая перевернула жизнь Филиппе Берди, для судьи и присяжных была рядовым событием. Если не считать дурного предчувствия. Никто не нервничал, не смотрел на него зло. Профессор поёжился, его знобило после бессонной ночи. Он всё ждал, когда кто-нибудь выкрикнет страшное слово «убийца».

Лия шептала: «Держись, Филиппе, держись ради меня, ради нас».

Начался суд. Из-за недосыпа Берди видел и слышал дале-

ко не всё. Его подташнивало, каждый звук казался слишком громким. Судьёй был седой упитанный мужчина, лет сорока с правильными чертами лица. Держал спину прямо, постоянно поправлял очки. Голос у него был низким и приятным, убаюкивающим, таким не приговоры зачитывать, а сказки на ночь. Первой вызвали Карлу Монтгомери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.